

УДК 347.51(045)+347.132(045)

*Ю.А. Голубцова***ВИНА И ПРОТИВОПРАВНОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ:
ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНЫ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Статья посвящена оценке состояния современной цивилистической дискуссии о соотношении вины и противоправного поведения в форме бездействия, произведенной на основе актуальных научных взглядов и правовых позиций судов. Приведен краткий историко-правовой обзор формирования психологического и поведенческого подходов к пониманию вины в гражданском праве, показано их соотношение и противопоставление. При определении вины как непринятия всех необходимых мер для исполнения обязательства она фактически содержательно совпадает с субъективным признаком противоправного бездействия, а именно с возможностями должника предотвратить неисполнение. Такое отождествление вины и противоправности с учетом юридической модели состава гражданского правонарушения и принципов распределения бремени доказывания привело к тому, что доказывание противоправного поведения возлагается на должника, а принятие должником необходимых мер для исполнения обязательства – на кредитора. Сделан вывод о том, что отсутствие разграничения между виной и противоправным бездействием поставило под угрозу принцип рискованной гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательской деятельности, поскольку суды стали допускать доказывание этими субъектами своей невиновности, того, что они с необходимой заботливостью и осмотрительностью предприняли все меры для надлежащего исполнения обязательств, и тем самым освобождают их от ответственности по причине невиновности. Такая судебная практика не имеет нормативно-правового обоснования. Сделан общий вывод о необходимости законодательного разграничения вины и противоправного поведения в гражданском праве.

Ключевые слова: вина, гражданское правонарушение, гражданско-правовая ответственность, противоправное поведение, невиновность.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-2-316-321

Вопросы вины имеют особое значение для права, поскольку только виновно совершенное правонарушение способно влечь юридическую ответственность, а доказательство невиновности исключает последнюю. Такой подход обеспечивается ценностью и назначением как правосудия, так и права в целом: наказанию подлежит только виновный. При этом многие годы в отечественном праве сохраняется отраслевое противостояние юридического понимания вины, борьба поведенческого и психологического взглядов на вину. Если в частном праве вина – это непринятие необходимых мер к исполнению обязательства, то в публичных отраслях права вина – это внутреннее психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его результатам [1-7].

В гражданском праве фактически вина стала отождествляться с противоправным бездействием (противоправным поведением), что серьезным образом расшатало как юридическую конструкцию состава гражданского правонарушения, так и учение об условиях гражданско-правовой ответственности. Ещё в 2015 г. мы отмечали, что такое отождествление обуславливает многочисленные сложности доказывания и установления невиновности, форм вины, непреодолимой силы и иных обстоятельств, включающих юридическую ответственность, вины юридических лиц и др. [8], однако современное доктринальное и правоприменительное состояние этого вопроса заставляет вновь обратиться к обозначенному дискурсу.

Прежде всего заметим, что изначально в отечественной цивилистике активно поддерживалась публично-правовая психологическая традиция определения вины через категории предвидения, желания, осознания своего поведения и вредоносных результатов [9, с. 319], а для привлечения к гражданской ответственности необходимо было устанавливать возможность предвидения ответчиком наступления вредных последствий, и только при этом условии его признавали виновным [10, с. 32]. О.А. Красавчиков характеризовал невиновность как «непредвидение субъектом результатов своих действий» [11, с. 169]. В ставшей классической работе Г.К. Матвеева гражданско-правовая вина определялась как «психическое отношение нарушителя социалистического гражданского правопорядка в форме умысла или неосторожности к своим противоправным действиям и их вредным последствиям» [12, с. 178]. Аналогичное мнение высказывали такие видные советские ученые-цивилисты, как Н.С. Малеин [13, с. 29], В.П. Грибанов [14, с. 338], В.А. Ойгензихт [15, с. 35].

Но важно учитывать, что психологическое понимание вины, незыблемое для публичных отраслей права, в частноправовых отношениях уже тогда подверглось серьезному вызову – вине коллективных субъектов права, у которых отсутствовали индивидуальные психологические характеристики (желание, сознательное допущение, предвидение, непредвидение).

Несмотря на усиленные попытки советских цивилистов [16, с. 32; 17, с.70; 18, с. 127] объяснить вину юридических лиц (предприятий, учреждений и организаций) виной работников, т. е. их внутренним отношением к неисполнению, например, договорных обязательств, а также работой органов управления при подборе кадров и при организации исполнения обязательства, они с точки зрения правоприменительных задач были малоперспективны. Заметим, что подобный подход к вине юридических лиц сохраняется и в современных теоретико-правовых работах [19, с. 9].

Хотя ещё в 1955 г. Е.А. Флейшиц заметила, что в большинстве случаев вина юридического лица представляет собой не его субъективное отношение к своему противоправному поведению, а непосредственно само правонарушение, поэтому правоприменительная практика «в стремлении повысить охрану потерпевшего "растворила" понятие вины в понятии противоправного поведения» [20, с. 21]. В 1969 г. Госарбитраж СССР указал, что вопрос о вине организаций должен решаться, исходя из принятия ответчиком всех необходимых мер и использования возможностей к надлежащему исполнению обязательства¹.

Большую роль в том, что психологическое понимание вины в гражданском праве было поставлено под сомнение, сыграл Б.И. Пугинский, который утверждал, что вина юридического лица должна заключаться в неиспользовании имеющихся у него права и возможности для исполнения обязательства надлежащим образом и в неприменении необходимых усилий для предотвращения неисполнения обязательства [21, с. 30].

Именно такой взгляд на вину нашел отражение в действующем Гражданском кодексе РФ (абз. 2 п. 1 ст. 401), из которого следует, что вина в гражданском праве – это непринятие всех мер для надлежащего исполнения обязательства. Считается, что в этой легальной дефиниции установлен объективный критерий вины – «средний человек», с которым и следует сравнивать поведение должника [22]. В связи с этим трудно согласиться с мнением о том, что в российском гражданском праве при квалификации вины «акцент делается не на нарушении обязательства», а на отношении лица к своему поведению, «в котором проявляется степень его пренебрежения интересами контрагента» [23, с. 100]. Согласно буквальному толкованию абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, вина – это именно поведение, а не внутреннее отношение к нему.

Это могло бы поставить точку в дискуссии, если бы не одно обстоятельство: противоправное несовершенство чего-либо – это характеристика противоправного бездействия. Противоправность является обязательным признаком правонарушения и одним из объективных элементов состава правонарушения, отличным от вины [24, с. 68].

Бездействие является формой пассивного поведения и выражается в неисполнении нормативных требований, оно характеризуется объективным и субъективным признаками. Первый означает, что правонарушитель должен был исполнить обязанность, содержащуюся в законе или договоре, а второй – что правонарушитель имел возможность исполнить установленную юридическую обязанность. Отсутствие объективного или субъективного признака бездействия приводит к отсутствию противоправного поведения и исключает юридическую ответственность. Субъективный признак бездействия отсутствует, если будет доказано, что должник предпринимал максимальные меры для предотвращения наступления вредных последствий, но не смог их предотвратить.

Гражданское правонарушение заключается в нарушении ст. 309 ГК РФ, определяющей, что лицо обязано исполнить обязательство надлежащим образом. Нарушить обязывающую норму права можно только бездействием, т. е. непринятием всех необходимых мер. Принять меры по исполнению обязательства означает совершить все требуемые действия для исполнения его. Любой должник может доказать, что он предпринял все необходимые меры для исполнения своей обязанности с должной заботливостью и осмотрительностью, но при этом он всё равно не смог исполнить обязательство, поскольку столкнулся с непредотвратимыми для себя обстоятельствами.

¹ Инструктивное письмо от 6 октября № И-1-33 «О практике применения арбитражами ст. 37 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. М.: Юрид. лит., 1976. С. 70–72.

Это, по мнению законодателя, и есть гражданско-правовая невиновность. Но что тогда будет считаться в этом случае противоправным поведением (бездействием)? Ведь с позиций теории права, если лицо могло, т. е. имело реальную возможность исполнить предусмотренную законом или договором обязанность, но не исполнило её, то оно совершило правонарушение в форме бездействия, и обратное: если лицо, несмотря на все предпринятые необходимые усилия, не смогло исполнить обязательство, то судом должно признаваться отсутствие противоправного поведения в форме бездействия.

Итак, мы видим, при закреплённом в ГК РФ взгляде на вину, наличие реальных возможностей у должника для исполнения обязанностей – это и признак вины, и признак противоправного поведения. Такое смещение вины и противоправности позволило в научной литературе даже сделать выводы о том, что вина является понятием относительным и не имеет существенных признаков [25].

При этом продолжает сохранять свою нормативную значимость юридическая конструкция состава гражданского правонарушения и то, что факт противоправности поведения доказывается кредитором (истцом), а вина – презюмируется и может быть опровергнута должником (ответчиком). Кто при поведенческом подходе к вине должен доказывать непринятие всех необходимых мер к исполнению обязательства?

Отсутствие разграничения между виной и противоправным бездействием прослеживается и в судебной практике.

Так, по одному из дел о взыскании страхового возмещения рассматривался вопрос о правонарушении, совершённом нотариусом, удостоверившей доверенность по поддельному паспорту. Суд посчитал, что нотариус могла и должна была обратить внимание на несоответствие личности доверителя предъявленному ею паспорту на имя другого лица, в частности, ввиду явного несоответствия возраста. Один из выводов по делу заключался также в том, что обязанность доказать надлежащее исполнение своих обязанностей, т. е. принятие всех возможных мер для удостоверения личности доверителя и проверки подлинности документов, возлагается на нотариуса. При этом суд пришел и к выводу «о вине нотариуса в невыполнении требований закона об удостоверении личности гражданина и подлинности предъявленного им документа, поскольку нотариус мог и должен был обратить внимание на их несоответствие»². Следовательно, необходимость и возможность обратить внимание на несоответствие документов и предъявившей их личности – это, с одной стороны, характеристика надлежащего исполнения обязанности и доказывается нотариусом, с другой стороны, это же свидетельствует о вине нотариуса, которая презюмируется.

В отдельных случаях надлежащее исполнение обязательства суды прямо называют невиновностью должника. Так, в соответствии с вступившим в законную силу судебным актом, ответчица перечислила истцу почтовыми переводами денежные средства. Впоследствии суд, рассматривая заявление финансового управляющего истца об оспаривании указанных действий, совершённых в обход конкурсной массы, заключил, что ответчица исполнила свои обязательства и поэтому считается невиновной³. Здесь, правда, остается вопрос: она не совершала противоправных действий в обход конкурсной массы, либо она их совершила, но признана невиновной в их совершении? Судя по фабуле дела, в её поведении не было противоправности. Поскольку противоправность – это первый, заглавный первый элемент состава правонарушения, то его отсутствие делает анализ других элементов, в том числе вины, излишним.

Далее, для рассматриваемого вопроса представляют интерес следующие дела и сформулированные в них правовые позиции.

С администрации муниципального района была взыскана задолженность за поставку топлива, исполнительные листы были исполнены, но несвоевременно, с просрочкой. Поставщик обратился в суд с иском о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами. Суд установил невиновность администрации, поскольку ею «ввиду отсутствия необходимых денежных средств, предпринимались все необходимые меры для исполнения судебного акта по оплате поставленного топлива»⁴. По спору о взыскании неустойки за просрочку исполнения ТСЖ денежного обязательства суд

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.04.2019 № 49-КГ19-13 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.07.2021 № Ф01-3383/2021 по делу № А11-9517/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.07.2019 № Ф03-2968/2019 по делу № А73-21685/2018 (Определением Верховного Суда РФ от 15.11.2019 № 303-ЭС19-20075 отказано в передаче дела №

установил, что просрочка возникла «вследствие образовавшейся задолженности по компенсации части расходов на оплату коммунальных услуг, что препятствовало надлежащему исполнению ТСЖ обязательства», и в связи с этим признал отсутствие на стороне ответчика вины в нарушении сроков оплаты⁵.

По другому делу суд установил, что между заказчиком и подрядчиком был заключен договор подряда на выполнение работ по технологическому присоединению. В проектной документации было указано требование заказчика к оборудованию (трансформатор тока) и его конкретный производитель. В связи с загруженностью производителя, последний не смог своевременно поставить трансформатор, о чем подрядчик сообщил заказчику с просьбой заменить производителя. Заказчик от замены отказался. Из-за несвоевременной поставки трансформатора были нарушены сроки выполнения работ, заказчик обратился в суд с требованием о взыскании неустойки. Суд отметил, что только несвоевременная поставка трансформатора препятствовала ответчику исполнить свои обязательства, и сделал вывод, что подрядчик предпринял все зависящие от него меры в целях избежания просрочки исполнения обязательства⁶. В другом споре из договора подряда суд установил, что подрядчик не мог своевременно исполнить обязательство из-за предоставления заказчиком не соответствующей рабочей документации, и также признал его на этом основании невиновным в просрочке исполнения⁷.

На этих примерах мы видим, что суды разделяют противоправное бездействие должника (допущенную просрочку исполнения) и его вину, не отождествляют эти категории: должник невиновно не исполнил обязательство.

На основании этого можно было бы разрешить дилемму соотношения вины и противоправного бездействия в гражданском праве следующим образом. Объективный признак бездействия – должен был сделать, но не сделал – относится к гражданско-правовому противоправному поведению, а субъективный признак – мог сделать, но не сделал – свидетельствует о гражданско-правовой вине.

Но в гражданских правоотношениях участвуют субъекты предпринимательской деятельности, которые несут ответственность, независимо от вины, фактически они лишены права доказывать отсутствие субъективного признака противоправного бездействия. В первых из двух примеров суды анализировали вопрос о невиновности некоммерческих организаций (муниципального органа и ТСЖ), но в двух последних спорах подрядчики являлись субъектами предпринимательской деятельности, и суд также устанавливал их невиновность и на этом основании освободил от ответственности. Хотя Верховный суд РФ пояснял, что единственным основанием освобождения субъекта предпринимательской деятельности от ответственности могут являться только обстоятельства непреодолимой силы⁸. В доктрине также указывается, что абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ не применим «в предпринимательских отношениях, где полновластно действует п. 3 ст. 401 ГК РФ и ответственность стороны простирается вплоть до *force majeure*» [26, 27].

Следовательно, для субъектов предпринимательской деятельности «выгоднее», чтобы субъективный признак противоправного бездействия считался бы не виной, а признаком противоправности, т. к. отсутствие противоправного поведения как элемента состава правонарушения могут доказывать любые субъекты гражданских правоотношений, тем самым исключая свою ответственность.

Следует также заметить, что и Конституционный суд РФ значительно пошатнул принцип гражданско-правовой ответственности предпринимателей, независимо от вины, пояснив в Постановлении от 13.12.2016 № 28-П, что «лицо, нарушившее исключительное право на объект интеллектуальной соб-

А73-21685/2018 в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.03.2017 № Ф03-103/2017 по делу № А16-546/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.02.2019 № Ф03-6225/2018 по делу № А04-1818/2018 (Определением Верховного Суда РФ от 30.04.2019 № 303-ЭС19-6344 отказано в передаче дела № А04-1818/2018 в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.08.2019 № Ф10-2463/2018 по делу № А83-12742/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (п. 75) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

ственности при осуществлении предпринимательской деятельности ... должно иметь возможность доказать, что им были предприняты все необходимые меры и проявлена разумная осмотрительность с тем, чтобы избежать незаконного использования права, принадлежащего другому лицу – правообладателю»⁹.

Сохраняющееся в цивилистической доктрине и в гражданском законодательстве смешение вины и противоправного бездействия предоставляет необоснованно широкие границы для судебного усмотрения, позволяя судам применять одновременно как поведенческое, так и психологическое понимание вины, допускать возложение доказательства факта противоправного поведения на должника, обязывать кредитора доказывать принятие должником необходимых мер для исполнения обязательства, освобождать от гражданско-правовой ответственности субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность при выявлении их невиновности и при отсутствии обстоятельств непреодолимой силы, и др. При таких обстоятельствах трудно говорить о соблюдении принципа правовой определенности и предсказуемости нормативно-правовых требований. С учетом состоявшихся научных дискуссий и сложившихся судебных правовых позиций законодателю следует провести более четкую границу между противоправным поведением и гражданско-правовой виной, а также установить критерии, при наличии которых допустима оценка вины/невиновности субъектов, совершивших гражданское правонарушение при осуществлении предпринимательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов А.Б. Корреляция публичных и цивилистических форм вины // Административное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 791–798.
2. Монастырский Ю.Э. Значение теории психической вины для установления ответственности в гражданском праве // Психология и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 187–198.
3. Монастырский Ю.Э. Вина и причинность в российском гражданском и уголовном праве // Законодательство. 2021. № 8. С. 80–85.
4. Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. 61 с.
5. Синцов Г.В. К вопросу о значении вины при нарушении обязательств в гражданском праве // Юрист. 2015. № 22. С. 23–25.
6. Скребнева Н.А. Юридическая ответственность в публичном и частном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 32 с.
7. Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Вина в гражданском праве: нормативно-правовой и юридико-фактический аспекты // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 1. С. 57–66.
8. Голубцова Ю.А. Юридическая конструкция вины в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 185 с.
9. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М.: Юрид. лит., 1950. 416 с.
10. Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1952. 126 с.
11. Красавчиков О.А. Юридические факты в гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 181 с.
12. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1955. 308 с.
13. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. С. 29.
14. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 410 с.
15. Ойгензихт В.А. Имущественная ответственность в хозяйственных договорах: учеб. пособие. Душанбе: Изд-во Тадж. ун-та, 1980. 111 с.
16. Рабинович Ф.Л. Вина как основание договорной ответственности предприятия. М.: Юрид. лит., 1975. 168 с.
17. Малейн Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 1968. 207 с.
18. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1970. 309 с.
19. Юрчак Е.В. Вина как общеправовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.
20. Флейшиц Е.А. Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья // Ученые записки ВИЮН. М.: Госюриздат, 1955. Вып. 1. С. 3–99.
21. Пугинский Б.И. Правовые средства обеспечения эффективности производства. М.: Юрид. лит., 1980. 144 с.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

22. Старцева Ю.В. Принцип вины и ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности // *Опыты цивилистического исследования: сборник статей / отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2019. Вып. 3. 376 с.*
23. Захаров Д.Е. Вина как условие привлечения к ответственности за нарушение договора по германскому гражданскому праву // *Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1 (115). С. 96–102.*
24. Кузнецова О.А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // *Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 61–70.*
25. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности: монография. М.: Юстицинформ, 2019. 140 с. (параграф 2.4).
26. Папченкова Е.А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права. М.: Статут, 2017. 224 с. параграф 3.2 (II).
27. Брикса К.О. Специфические особенности безвиновной ответственности предпринимателей // *Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 101–108.*

Поступила в редакцию 15.01.2023

Голубцова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук
Судья Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда в отставке
614068, Россия, г. Пермь, ул. Пушкина, 112
E-mail: yulia.010203@yandex.ru

Yu.A. Golubtsova

**GUILT AND UNLAWFUL INACTION IN CIVIL LAW:
ISSUES OF DOCTRINE AND JUDICIAL PRACTICE**

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-2-316-321

The article is devoted to the assessment of the condition of modern civil discussion about the correlation between guilt and unlawful behavior in the form of inaction, carried out on the basis of current scientific views and legal positions of courts. A brief historical and legal overview of the formation of psychological and behavioral approaches to understanding guilt in civil law is given, their correlation and opposition is shown. When guilt is defined as a failure to take all necessary measures to fulfill an obligation, it actually substantially coincides with the subjective feature of unlawful inaction, namely, with the debtor's ability to prevent non-fulfillment. Such an identification of guilt and unlawfulness, considering the legal model of the composition of a civil offense and the principles of distribution of the burden of proof, has led to the fact that the proof of unlawful behavior rests with the debtor, and the adoption by the debtor of the necessary measures to fulfill the obligation – on the creditor. It is concluded that the lack of a distinction between guilt and unlawful inaction has jeopardized the principle of risk-based civil liability of business entities. This conclusion was made because the courts began to allow these subjects to prove their innocence, as well as the fact that they, with the necessary care and discretion, have taken all measures for the proper fulfillment of obligations, and thereby exempt them from liability on the grounds of innocence. Such judicial practice has no normative and legal justification. The general conclusion about the necessity for a legislative distinction between guilt and unlawful inaction in civil law is made.

Keywords: guilt, civil offence, civil liability, unlawful behavior, innocence.

Received 15.01.2023

Golubtsova Yu.A., Candidate of Law, Retired Judge of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal
Pushkina st., Perm, Russia, 614068
E-mail: yulia.010203@yandex.ru